

В 20-е ГОДЫ ПАРИЖ СТАЛ ЦЕНТРОМ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ. Триумф и трагедия эмиграции

Ренэ ГЕРРА можно представить по-разному. В кругах интеллигенции Москвы и Парижа его знают как профессора славистики, президента и основателя "Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции". В книге бывшего зампреда КГБ СССР С. Цвигуна он получил клеймо "матерого идеологического диверсанта" и "агента ЦРУ". Но, пожалуй, наибольшую известность он приобрел как владелец одной из крупнейших в мире частных коллекций русского искусства, знатоком и ценителем которого он слывет. В особняке г-на Герра, расположенном в парижском предместье Исси-ле-Мулино, состоялась его беседа с нашим корреспондентом Борисом СТАНИШНЕВЫМ.

Г-н Герра, насколько я знаю, на Западе многие из коллекционеров русского искусства имеют, как говорится, "русские корни". Вы не из их числа?

- Я чистокровный француз с юга, и с этим краем связано мое первое знакомство с русской культурой. Именно там, спасаясь от большевиков, нашли убежище многие прекрасные представители дореволюционной России. В Ницце, Каннах образовались целые русские колонии. Судьба столкнула меня с этими людьми, когда мне было еще 10 лет". Среди них нашлись те, кто смог привить мне любовь к истинной русской культуре.

Когда в 60-е гг. я впервые попал в вашу страну, первое впечатление было от самой речи: русский, когда я его изучал во Франции, казался мне "мертвым языком", чем-то вроде латыни. А тут все вокруг говорили на нем!

- Почему же вас зачислили в "идеологические диверсанты"?

- В принципе, я равнодушен к политике, никогда не вступал ни в какую партию и уж тем более не работал на радио "Свобода", как мне когда-то пытались приписать советская печать... Дело тут, наверное, вот в чем. Любовь ко всему русскому для меня стала означать непримиримость ко всему советскому.

Когда я приехал в СССР во второй раз, в 68-м, у меня уже не оставалось никаких иллюзий. Для меня стала совершенно очевидной вся фальшь, весь этот бред. Но мое главное тогдашнее чувство - грусть: великая страна так унижена, люди всего боятся. Помню, в Переделкино пошли прогуляться с Чуковским, он меня попросил: если кого-нибудь встретим, то не говорите, что вы - Ренэ, вы - просто Роман, Ромочка... И я подумал: признанный, знаменитый писатель - и тоже боится.

- Описать вашу коллекцию в газете крайне трудно, но давайте все же попробуем это сделать...

- В ней - три раздела, или три направления. Первое - изобразительное искусство, несколько тысяч подлинников: масло, акварель, пастель, гуашь, тушь, рисунки, не считая литографий. Подавляющее большинство - работы художников, которые жили и продолжали творить в эмиграции: Анненкова, Бенуа, Сомова, Добужинского, Билибина, Коровина, Шаршуна и многих других.

Второе - книги, несколько десятков тысяч. Главным образом, русские книги, изданные за Пределами России - в Париже, Берлине, Харбине, Белграде, Праге, в Южной Америке, Австралии... Наверное, треть - с автографами писателей: Ремизова, Бунина, Мережковского, Ходасевича, Цветаевой, Шмелева, Зайцева. Уже по тому, кому и с какими надписями дарили авторы свои книги, можно восстановить историю литературной эмиграции.

Третий раздел - рукописи: от варианта "Египетских ночей" Пушкина до рассказов Бунина. Есть письма

Толстого, Тургенева, Чехова. Но все же для меня главная ценность - архивы русского зарубежья.

О "первой волне" эмиграции у вас сейчас часто говорят и пишут, но, как мне кажется, не всегда полностью осознают ее масштабы. Возьмите хотя бы то место, где мы находимся. Здесь, в Исси-ле-Мулино, жила Марина Цветаева. Здесь же была штаб-квартира русских инвалидов первой мировой войны. Последний генерал русской армии Позднышев скончался на соседней улице.

Эмиграция была не только "белой". Два художника - Юрий Анненков и Сергей Чехонин - столько сделали для воспевания революции. И вот первый едет в 1924 г. во главе советской делегации на биеннале в Венецию с портретом Троцкого в полный рост... а потом решает не возвращаться. А второй в 1928 г. - понимает, что дальше жить на родине ему нелегко, - и уезжает.

Эти люди, эмигранты, работали здесь, творили до последнего вздоха - Бунин, умерший, так и не закончив книгу о Чехове, художники, писавшие до последнего дня... Они жили, словно в вакууме, вне времени и пространства, но с твердой уверенностью, что когда-нибудь их творчество будет востребовано.

Но они не были такими несчастными, какими Их изображали в советских средствах массовой информации. Недаром говорят: эмиграция - это всегда трагедия, но не всегда неудача. Во Франции они могли творить, а на родине их просто бы сгноили! Поезжайте на русское кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа, посмотрите на надгробья. Умирали в 80, а то и в 90 лет.

У вас распространено мнение о том, что русский художник или писатель в отрыве от родины не может создать ничего стоящего. А они доказали, что это чушь.

- Я встречал такие суждения: интерес к русскому искусству на Западе становится модным. Вы с этим согласны?

- Во Франции, будем говорить о моей стране, с интересом относятся к русскому искусству, но нельзя сказать, что "модно его собирать". Его еще плохо знают. Многим часто не хватает вкуса, чтобы оценить по достоинству ту или иную вещь. Не так давно я купил картину Дмитрия Бушона - художника, работы которого еще при жизни выставлялись в Эрмитаже. Картина уникальна уже тем, что она написана маслом - а он работал в основном пастелью и акварелью. Я отдал за нее - на аукционе! - около 200 долларов: такую сумму парижане могут заплатить за воскресный обед в ресторане.

Для меня это была удача. Конечно, такое случается не всякий раз. Например, Коровин теперь известен и оценен. Малахов двадцать лет назад можно было приобрести почти за бесценок, сегодня это уже тысячи долларов.

Я, правда, не касаюсь того искусства, которое в последние годы везут вагонами из России и пытаются продать на Западе, - "соцарт", "соцреализм". Это особая тема, не имеющая отношения к моей коллекции.

В 1995 г. я надеюсь устроить выставку во Франции в Сенате и ничего не имею против того, чтобы хотя бы часть моей коллекции была выставлена и в России - например, для начала, подборка картин. Но постоянным местом пребывания этих произведений искусства должна оставаться Франция: эта страна дала прибежище русским изгнанникам, и то, что создано ими здесь, стало частью не только русской, но и мировой культуры.